

СТАЛИНУ НИКТО НЕ ПИШЕТ...

Новогодняя история

Евгения Хамуляк

16+

Евгения Ивановна Хамуляк

Сталину никто не пишет.

Новогодняя история

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66734186
SelfPub; 2021*

Аннотация

Дорогие друзья, исполнение желаний – хитрая штука. Мудрые никогда не полагаются на магические силы или волшебных существ, предпочитая самостоятельно решать свои проблемы или добиваться исполнения мечт. Но иногда... все же не обойтись без чуда, особенно в канун самого волшебного праздника, где каждый загадывает счастье для себя. Кому-то это дом, кому-то шубы, а кому-то любить и быть любимым, как герою этого новогоднего рассказа Андрею Андреевичу Брежневу, которого в народе зовут "Сталин".

С наступающим Новым годом! Пусть это чувство волшебства и магии не покидают вас 365 дней в году!

Этот и другие новогодние рассказы опубликованы в сборнике независимых авторов "Елочки-иглочки, чудеса под Новый год".

Евгения Хамуляк

Сталину никто не пишет.

Новогодняя история

Андрей Андреевич Брежнев строил дом. Большой дом для большой семьи. Деньги на строительство имелись, не было только семьи. Точнее, она была, но «сплыла» в Лондон, прихватив половину богатства, положенного после развода, и двоих детей-близнецов, Валеру и Тоню, которым недавно стукнуло по 18. В 18 обычно не нужна семья, только её средства для реализации всевозможных капризов.

Помимо семьи у Андрея Андреевича не осталось и верных друзей. Всему был виной дом.

Дело в том, что строил его Андрей основательно. Укреплял, как оборонительную крепость. Фундамент заливали дважды на случай землетрясения или каких других катаклизмов. Правда, каких именно в Подмосковье, Брежнев не уточнял, но на всякий случай упреждал их появление. Пол с подогревом, стеклопакет тройной, черепица на крыше только из Германии, где имеют многовековой опыт изготовления крыш. Забор трёхметровый.

Что ещё? Насыпи песка на электропровода в траншеях не десять, а 25 сантиметров. Чтоб ни одна вошь не перегрызла или, не дай Бог, током никого не пришибло, если цунами

песок размоет.

В общем, строил от души, добротнo и на все деньги, что остались в запасе после раздела имущества, потому его прозвали «Сталин». Так вот друзья Сталина пропали на этапе заливки фундамента. Дело в том, что Андрей Андреевич в своё время закончил строительный, друзей закадычных имел оттуда же. Но дом разрушил дружбу и строительные нормативы раньше, чем цунами, так что хозяин дома и бывшие друзья перестали упоминать имена друг друга всуе, выкинули все существующие совместные фотографии, запретили детям и жёнам вспоминать прошлое.

Недаром говорят, что пара, пережившая ремонт, будет любить и терпеть друг друга вечно. Дом Брежнева, то есть Сталина, расставил все точки над «и», правда кроме «и» с Андреем больше никого не осталось.

Также хозяину крепости-бункера не свезло со строительными бригадами, взявшимися за серьёзный дом. Первые, взяв аванс, пропали. Вторых прогнал сам строитель, прораб и сторож в одном лице. Третьи попались весьма престранные. Они как бы работали и не роптали: клали кирпич не в полтора, а в три кирпича, как указывал товарищ Сталин. Рыли такие глубокие траншеи вокруг дома, что закрадывалась мысль о братских могилах, а не электросетях. Но ближе к четвергу-пятнице рабочий дух слаб, глаза косели, мозги хмелели, хотя Андрей ходил за работниками по пятам, не

понимая, когда и где те умудряются напиваться, что называется, «в хлам».

Жёсткой позицией к пьянству Сталин хотел было лишить трудящихся права трудиться, но, во-первых, ребята, когда работали, всё же работали, не филонили, как другие. А во-вторых, аванс давно был выдан на руки. А деньги имели свойство заканчиваться, особенно, когда половина семейного бюджета перекочевала в Лондон.

Короче, Брежнев и так плохо спал из-за неурядиц с семьёй и лучшими друзьями, а занимаясь теперь отловом и увещиванием строителей не портить своё здоровье и достроить недострой, и вовсе потерял присутствие духа: стало шалить здоровье, появились упаднические мысли.

К моменту, когда у дома появились окна, а это спустя три года после назначенного срока, Андрей Андреевич задумался о главном: кого, собственно, будет заселять в свои хоромы?

Точнее, сам-то он жил там с самого начала, присматривая за строителями и стройматериалами. Спал на матрасе. Ел из пластиковой посуды. Одежду стирал в химчистке. Но когда обстановка более-менее оформилась, Андрей понял, что ему на 993 метрах квадратных одному жить не с руки.

– А ты семью из Сирии пригласи на ПМЖ! – смеялись над ним приятели, так как друзей не осталось. Посмеяться Андрей любил, но почему-то в последнее время подобные

шутки не радовали.

Для кого эти хоромы? Мрамор из Греции? Дорогущая швейцарская техника? Кто будет глазеть в эти трёхслойные окна из Белоруссии? Вот какие вопросы стали занимать голову Брежнева, печально пробегающего косыми глазами по домашней красоте и периодически натыкающегося на одно-единственное зеркало, ещё не установленное, стоящее на полу в упаковочной таре.

Отражение, мягко говоря, не располагало.

Андрей Андреевич имел серьёзный дефект глаз. Один жутко косил в сторону, а второй был вообще искусственным, хрустальным, то есть абсолютно неподвижным, что на многих наводило мистический ужас. И связь с жестоким тираном прошлого только укреплялась. Шевелюра, ходившая ещё лет 20 назад в достоинствах, сошла на нет к 47 годам, превратившись в плешивые недостатки.

Андрей, для которого внешность имела значение, старался брать не красотой физической, но хотя бы спортивной фигурой и бравостью, одеваясь модно и со вкусом. Но после развода, после ухода друзей и нескольких строительных бригад часто пропускал посещение спортзала, наедался на ночь. Иной раз напивался в одиночку. Подобный образ жизни отразился сначала на талии, потом на подбородке, наконец, и на пятой точке, которая не влезала в фирменные джинсы. Немалого роста спортивный бравый качок за время строительства дома превратился в гигантского унылого пузатика.

– А всё же с кем попало жить не станет! – зло за косые глаза говорили знакомые, с завистью вспоминая похождения косоного Сталина, в любовницах которого ходили разнообразные красотки.

– Андрюха, – говорил ему покойный батя, – ты – урод. Нечем мне тебя утешить. Наша с мамкой вина, хоть убей нас. Но Бог – не Тимошка, к каждому недостатку достоинство прикладывает. Если уж тебя такого кто полюбит – будь уверен, сынок, то – любовь настоящая. А если ты к тому моменту босяком у разбитого корыта любимым кому-то покажешься, то не просто любовь, а Божий дар. Женись не глядя на такой паве!

Мамка покойная, сердцем скрепя, соглашалась с жестокими словами. Полюбить Андрейку могла только женщина с большой буквы с большим сердцем, с большим терпением.

Но если не красотой, то достатком Боженька Андрея не обделил. Деньги в руки шли. Прямо лезли. Но помимо кривых глаз оказались кривыми ещё и руки, которые Брежнев сам порой хотел себе повырывать, когда они давали взаймы всяким проходимцам. И всё же Андрей не был жадным. Свозить любимую девушку в Венецию, ладошки в вонючей речке помочить, на это деньги находил всегда.

Первая жена это оценила, полюбила как могла, но чёртов ремонт напрочь отбил желание ездить по Венециям вместе.

Андрей посмотрел в зеркало и ужаснулся. Честно говоря, рожа у него была та ещё. Натуральный небритый сторож после недели беспробудных пьянства и обжорства. Никак не принц! А девушки, красавицы длинноногие, любят только принцев. На крайняк, олигархов на белых люксовых авто.

Из всех этих признаков у Андрея имелся только последний, припаркованный в тёплом гараже. И как в таком состоянии заводить семью?

Ещё и деньги почти закончились. Даже на венецианские обои не хватает, которые он заказал полгода назад, но так и не расплатился. Ванная, кухня, техника стояли нераспакованными по этой причине. Андрей с лета брился и умывался в биде, которое не коррелировало с дизайном из Венеции.

А ведь ещё к прошлому декабрю всё должно было быть готово! На носу уже другой Новый год, а окончанием ремонта так и не пахнет.

И взяло Андрея такое остервенелое отчаяние, что стал он метаться по огромному дому, не зная куда себя приткнуть.

Наконец, выбежал из недостроя, что почти разрушил его жизнь, и побрёл куда глаза глядят. Раскосые довели его до старинной часовни их района. Андрей, как вкопанный, встал у входа, не смея войти в святилище.

Вообще-то он не верил в Бога. Точнее, в богов, которых предлагало человеческое сообщество. Ни один, включая атеизм, не волновал сердце строителя-бизнесмена. Если приходилось, Андрей, конечно, склонял голову, шептал молитвы и

бился крашенными скорлупками, но исключительно из уважения к традициям предков, чтоб родня дорогая не заклеимила, как ирода, хоть и приняла, как урода. Однако восторга не испытывал.

Зато прямо сейчас сильно испытал сильнейший холод, особенно в области нехорошо побелевшего носа и бесчувственных ушей.

В тёплом душистом храме как раз шла служба. Душевно пели старушки. Красиво дрожал свет от лучин. Переливались золото и серебро окладов.

– Плохо, да? – спросила одна старенькая и, не дожидаясь ответа, взяла за локоть Брежнева и повела куда-то вглубь. Там располагалась большая тёмная икона, которую трудно было разглядеть за количеством злата и серебра.

– Шастнадцатый век. В то время ещё не было истории, а люди уже святой верили. И ты верь. Так и скажи: Матерь Божья, дай мне благославенье, чтоб умиротворить душу мою разбуявшауюся. Брошу лакать водку, брошу дурную блажь, если дух твоя в сердце моё войдёт и озарит благостью своея.

Андрей вперился в старенькую, которая с закрытыми глазами молила за него древнюю святыню, и хотел было возмутиться, что не пьет и не... «блажит». Но потом, увидев своё серое отражение в стекле, где была замурована древняя дама с малышом на руках, сам отшатнулся. Чистый алкаш! Или наркоман... только упитанный. Опухший, бледный, глаза го-

рят. Прямо хоть чёрта выгоняй с кадилом.

– Приклонись и поцелуй. Не бойся, не заразишься. Мать не даст. Она сердобольная, всех блудливых и убогих оберегает. По глазам вижу, ты хороший мужик, хоть и непутёвый. Жениться тебе надо, родной, жениться! Дом большой построить. Сад насадить. Но это уже дела матушки, пусть она тебя наставляет...

– Так я уже! – хотел было вставить свои пять копеек Андрей и прояснить насчёт блудливого и убогого. Но старенькая, а может и молоденькая, Андрея слегка лихорадило, он плохо соображал, и вокруг всякое мерещилось, мирно отошла, оставляя его наедине с Мадонной.

Цокнув языком на себя идиота, что повёлся на религиозные штучки, Андрей было повернул к выходу, но видящим косым глазом заметил, что чудненькая-старенькая недалеко отошла, а посматривает так, что спиной снайперовский прицел на расстоянии чувствуется.

Решил постоять, губами пошевелить, воздух поцеловать для пущей видимости, а потом уже ретироваться подальше от религиозных фанатиков.

Чтоб зря не шептать, поглядел на Пречистую, что хмуро на него воззрившись, и сказал: мол, да, хочу любить и быть любимым. Дом есть, сад тоже, не хватает настоящей любви и большой семьи. На приёмных детей согласен. Своих тоже не

прочь завести. Поцеловал Богоматерь в щёку близко к стеклу и стал пятиться назад, обширно крестясь, чтоб было видно из-за широкой спины, как ему благодать передаётся.

– Молодец! Боженька и не таким пропащим помогал. И тебе поможет. Иди, иди с миром, казак, – вещала женщина и пошла по другие души, так как в церковь заглянули новые посетители, прячась от предновогоднего холода в тёплой часовне.

Андрей выскочил из церкви, как из горящей бани. Отчаяние улетучилось. Осталось тупое уныние, что жизнь заканчивается, и дальше ждут только года печали.

– Десять дней до Нового года. И ремонт не доделать, и жениться времени нет.

С этими надгробными мотивами Андрей улёгся спать в чём был. В голове было неприятно пусто. Впервые в жизни он не знал, зачем живёт, зачем построил эту тюрьму строгого режима с люксовыми условиями... Зачем ему семья и 17 вишнёвых деревьев?

Так как штор в доме ещё не водилось, Андрей проснулся с первыми лучами зимнего солнышка. Потянулся и с удовольствием заметил, что выспался, несмотря на то, что спал в зимней куртке, рубахе, брюках, а вообще предпочитал голы-

шом, хоть зимой, хоть летом. Пижам и даже трусов не признавал.

Встал, умылся в биде, посмотрелся в нераспакованное зеркало, с радостью заметив, что сегодня выглядит на так уж плохо. Спустился по винтовой лестнице вниз, довольно подмечая, какой всё-таки хороший он строитель и хозяин. Каждая деталь на месте и глаз радуется. Добротное, с умом, на долгие года построено. Или, как дед говорил: на семь поколений вперёд. Живи да радуйся!

А жить Андрей хотел. Прямо от души хотел каждый лучик декабрьского солнца в себя впитать, восхититься природой, белым чистым снегом, снегирями, что клювиками царапали его стекло белорусское трёхслойное, потому что там какие-то семечки с осени прилипли.

– Идите прочь, – помахал на них Андрей и засмеялся от души. – Божьи мерзавцы.

Залез в холодильник, обнаружив там недопитую бутылку виски и конфеты, которые лежали ещё с осени.

Поняв, что жить хочет так, что в желудке органы устраивают забастовку и просят пропитания в виде плотного завтрака, Андрей взял первый попавшийся пластиковый пакет и пешком, размахивая им как флагом, отправился в ближайший магазинчик, где отоваривались в основном трудяги и работяги. Сам же он предпочитал ездить на своем джипе в

супермаркет эко-продуктов или заказывал еду с доставкой на дом. Но сегодня, в это чудесное морозное утро, в пять часов 30 минут по Гринвичу Андрей хотел прогуляться пешком, подышать свежим воздухом.

Пели птицы. Он посвистывал им в унисон. На душе было так хорошо и светло, что все проблемы не казались такими уж неразрешимыми, какими представлялись ещё вчера. И потянув дверцу маленького зашарпанного магазинчика на себя, Андрей обнаружил его закрытым. Правда, открылось маленькое оконце, в которое высунулось хмурое, но красивое лицо женщины, точно как у вчерашней Мадонны:

– Что? – не поздоровавшись, грудным женским голосом спросило красивое лицо.

– А откройте, пожалуйста, – попросил Андрей, всматриваясь в прореху, откуда всё больше валило теплом и приятными женскими духами. Мадонна, в свою очередь, тоже всмотрелась и, завидев блином лицо с двумя косыми глазами, отшатнулась.

– Время – 5:30. Мы открываемся в девять. А сейчас только через окно.

– Ладно, – легко согласился покупатель, соображая, за чем пришёл. Но мысли путались. И спутывал их облик продавщицы, который прямо манил к себе. Он видел её и раньше. Женщина работала в этом шалаше с протухшими продуктами уже давно.

Он помнил, что «ларьковая мадонна» была маленького

роста, буквально дышала ему в пресс, точнее в место, где раньше жили шоколадные кубики, накаченные в элитном спортклубе и поджаренные в лучшем солярии города. Весила она не меньше Андрея с отметкой «прежнего спортивно-го». Круглые бока и груди выпирали даже через нутриевую шубку, плотно облегающую фигурку. Но лицо! Образ! Были забываемыми. Настоящая Мадонна руки художников Ренессанса. Большая и располагающая, как мать Земли Гея.

– Я не могу так сосредоточиться, – честно признался смущённый покупатель. – Я вижу только вас. А чтобы выбрать продукты, я должен видеть продукты.

На той стороне маленького оконца минуты две соображали по поводу услышанного. Потом стальная, утеплённая дверь со скрежетом открылась. За ней показалась небольшая фигурка, обвязанная, как мумия Египта, в широких красивых круглых местах оренбургским платком.

Красивой белой рукой продавец указала на витрину с колбасами и кефирами.

– Пять яиц, – пытался не смотреть на Мадонну Андрей, – три куска хлеба... с отрубями... и... кефир нежирный... и сыр, лучше швейцарский... и...

Продавщица пожалела, что открыла стальную дверь в пять часов утра, когда все нормальные богатеи спали. Трудяги закупились ещё в обед. Алкашня прибывала за желаемым продуктом по нормативу до 22:00. Оставались неотоваренными, похоже, только умалишённые или просто сума-

шедшие.

– Пять яиц продать не могу... Они по шесть штук идут, – решила быть вежливой женщина, чтоб побыстрее отпустить чудика домой.

Но Андрей вдруг окончательно оторопел. До него неожиданно дошло, почему с утра ему так хорошо, когда вчера вечером он хотел повеситься от безнадёги.

– Мадонна! – шёпотом воскликнул он и прям всем телом ощутил благодать, которая просачивалась через каждую деталь, каждую вещь в интерьере. Серые от гари люминесцентные лампы на сером низком потолке поманили бриллиантовым свечением. Ароматы в душном пространстве заблаговоняли розами и ландышами. От вида продавщицы Андрею почему-то захотелось плакать. Глаза защипало от неожиданных слёз, и он их прикрыл, почесывая, чтоб не выдать расшалившиеся чувства.

– Вы будете что-то брать? – не выдержала продавец, глядя, как невыспавшийся богач всё телится с завтраком. Конечно, он припёрся сюда, в круглосуточный ларёк, ведь все нормальные буржуйские магазины и супермаркеты с дороговизными товарами ещё закрыты. И ломает здесь комедию.

– Творог свежий. Творог возьмите. Я детишкам беру. Он хороший. От местного колхозника. Без нефти и ГМО, – сжалась женщина над нерасторопным покупателем, решив как-то поторопить процесс.

– Вы меня извините, пожалуйста, – вдруг произнёс Ан-

дрей. – Как вас зовут?

Ирина тоже посмотрела на серый потолок, куда только что смотрел косой в дорогушей дублёнке нараспашку и со старым измызганным пакетом в руке.

– Ирина меня зовут, – ответила она и опустила взгляд на облупившиеся ногти. Никак нет времени привести руки в божеский вид. То дети, то работа. То вот дед захворал, надо было ухаживать. А скоро Новый год. Нравится – не нравится, а всякая женщина должна выглядеть опрятно на праздниках. Подавать пример детям. Тем более, когда есть дочери.

– А меня вы знаете, как зовут? – зачем-то поинтересовался Андрей, намекая на шапочное трехлетнее соседство, когда знаешь в лицо, но не знаешь имени.

Ирина стала вспоминать, куда спрятала битую, которую принес её старший сын на пожарный случай. Потом прикинула свои силы, взвесив глазом пышную массу двинутого психа, поняв, что финт с битой точно не пройдёт. Огнестрельное или газовый балончик надо бы.

– Сталин, – продолжила странный разговор Ирина, поглядев теперь на настенные часы. Сменщица придёт только через два часа. Есть надежда, что кто-то из ранних трудяг забудет хлеб или молоко для завтрака. Иначе придётся развлекать разговорчиками психа целых два часа.

– Брежнев, – поправил её Андрей. – Меня зовут Андрей Брежнев. Андрей Андреевич.

– Очень приятно, – решив быть до конца вежливой, кив-

нула Ирина.

– Ирина, я... я... в общем, хотел вас пригласить на свидание. Вы мне очень нравитесь. И я давно за вами слежу. Вы... я... – Андрей слышал чужой голос, который вырывался из его рта, приглашая незнакомую женщину на свидание. Поняв, что лишается рассудка поминутно, мужчина хотел дать дёру, но ватные ноги, тоже ставшие чужими, приросли к полу. – Сегодня вечером, например.

Ирина молчала, повторив траекторию движения взгляда: на серый потолок, неопрятный маникюр, одержимого богатя, часы. И потом опять на маникюр.

Ирина Десялкова, 42 лет от роду в своей жизни часто влюблялась. И как назло всё не в тех. Красивые, фартовые, ласковые мужики ей попадались, но неблагополучные. Ни дома, ни двора, ни сада. А этого хмыря по кличке Сталин знал весь посёлок под названием «Рай». Сумасшедший диктатор отбабахал домину на человек 40. А оставшиеся сотки засадил вишнёвым садом тоже в промышленных масштабах. Прозвали косоногого собственника «Сталином» за сумасбродный характер и жадность. Ни одна бригада с ним ужиться не могла. Ходил за каждым работягой по пятам. Экономил каждую копейку. Сам ездил, мастерил, помогал разгружать. Короче, Сталин.

Пока Ира думала, Андрей метался в душе, не зная, за каким голосом пойти. За внутренним, который рыдал навзрыд,

умоляя немедленно обратиться и забыть это утро, как страшный сон. Ведь Андрей, несмотря на то что был уродом, любил и подмечал красоту. А красивая женщина – это длинные ноги, упругая попка, стоящая морковкой грудь, тронутые поволокой глаза и длинные волосы. Но никак 150 в прыжке, 80 кг с талией, обозначенной оренбургским платком.

Другой, чужой, настаивал, что любовь – это не ноги или сиськи, это состояние души. И сейчас это состояние было не в стоянии, а в полёте. Андрей летал, парил, внимал, дышал моментом. Такого он не испытывал давно, если не сказать никогда. Он превратился в слух, нюх, взгляд, которые желали услышать ответ женщины, пахнувшей ландышами.

– Вечером не могу. Уроки с детьми надо делать. Завтра могу, – просто ответила Ира, решая, что 40 лет – это тот возраст, когда хватит бегать за нерадивыми самцами, а пора уже взяться за голову и выбрать того, кто может дать больше, чем увесистый шлепок по заднице и масляно-жирный комплимент.

– Завтра нет. Завтра поздно... Сегодня. Может, обед? Ланч? Полдник? – забоялся Андрей, что если упустит момент, то пропадёт благолепие, подаренное вчера Пречистой. А вместе с пропажей вернутся жуткое отчаяние и одиночество.

– Я сдаю смену через два часа. Сегодня могу только на завтрак на свидание. В обед обед надо готовить, – торговалась Ирина, забывая про бессонную ночь, усталость, неопрятный

маникюр.

– Всё! Замётано! Через один час 45 минут жду у порога, – стал заикаться Андрей, не веря в своё счастье.

– А покупать что-нибудь будете? – вспомнила Ирина, отметив, что косою богатеёй ещё и заика. «Всё-таки строг Боженька», – в душе пожалела женщина бедолагу в дублёрке, отмечая, что деньги – это хорошо, но здоровье как ни старайся ни золотом, ни серебром не купишь, на глаза не намажешь, на язык не намотаешь, мозги не выпрямишь.

«Так-то он симпатичный. Хоть и странный. Но какой-то добрый. По глазам видно. Только непонятно, как умудряется деньги сколачивать с такими мозгами?», – хозяйничала Ирина по ларьку, в душе радуясь, что пойдёт на настоящее свидание.

Андрей прискакал домой и первым делом отправился в душ. Целый час он провёл в горячих освежающих струях, напевая любимую нетленную песню своей молодости «Прости, поверь, и я тебе открою дверь. За всё прощу и никуда не отпущу...».

Андрей знал, что не красавец, так же знал, что полностью лишен слуха и голоса, поэтому старался не петь на публике, хотя с приятелями частенько заваливался в караоке. Там легко было подцепить разных голосистых длинноногих красоток, ловящих продюсеров на живца. Но сегодня его душа

пела. Пела и танцевала. Поэтому к песне он прибавил танцы и с грохотом упал на кафель, ударившись больно о нераспакованные банные аксессуары.

Прямо на лбу образовался порез, и чтобы не появился синяк, Андрей быстро приложил холодный кран итальянской фабрики, который ещё не успел установить на дополнительной раковине, предназначенной для супруги.

– Как Гарри Поттер, – не расстраивался Брежнев, видя в порезе знак свыше, который должен был совершить чудо с его личной жизнью, как это произошло с сиротой со шрамом на лбу.

Ира никогда не ездила в машине, которая внутри была чуть больше её личной спальни, в тысячу раз красивее, в миллион раз удобнее, в секстиллион раз чудеснее.

Джип цвета чистого снега и с такого же цвета удобными, приятно пахнущими сиденьями бесшумно, словно карета принцессы, рванул вперёд и остановился у первого же цветочного ларька, откуда через пять минут появился с букетом розовых роз её чистовыбритый, надухаренный ухажёр со шрамом на лбу.

– Папа будет смеяться, – смущённо принимая цветы, подумала Ира, стараясь не глядеть в растроганные раскосые глаза. – А какая отцу разница? Ему что ль с косым целоваться? Ему что ль букеты цветов нюхать? Наш дом цветы последний раз видел только, когда тетя Нюра померла.

Позавтракать со свиданием оказалось проблематично. Встречались только придорожные кафе с грузными, одетыми в телогрейки хмурыми дальнобойщиками или несимпатичные куцые кафешки при заправках. Но так как других вариантов не было, уселись на высокие стулья за железный столик бензоколонки, где обычно заправлял свой джип Андрей, выбирая элитные неразбавленные сорта бензина по неадекватно завышенной цене. Хотя все водители в округе её объезжали, зная, что здесь трудяги разбавляют больше остальных. Но богатеи об этом не догадывались и были довольны.

Разговор не клеился, пока речь не зашла о семье и детях. Ира рассказала, что несколько лет назад её бросил муж, водитель-международник, осев то ли в Румынии, то ли в Венгрии с краденым грузом краденого грузовика и любовницей из тех краев. Теперь Ирине приходилось крутиться за двоих, воспитывая троих детей одной.

– И никто не помогает? – удивился Андрей, у которого улыбка не слезала с лица. Ему нравилось буквально всё: обстановка, запах разогретых позавчерашних круассанов, железные неудобные стулья, на которых не умещалась его большая мускулистая пятая точка, разговоры с Ириной, её жалобы на жизнь и, главное, она сама. Такая настоящая, истинная женщина.

– Помогают, – заметила Ирина. – И свекровь, и свекр, и

отец мой, и дед Анатолий. Если б не они, не знаю, как с Пашкой, Антоном и Катькой справилась бы. Они у меня шалуны.

Настала очередь Андрея рассказывать. Но его рассказ уложился в два предложения, в котором он поведал, что жил всю жизнь без любви. От того вся печаль-тоска.

Они съели по два круассана, выпили по две чашки кофе. Приближалась минута прощания, но Андрей никак не мог решиться отпустить Ирину домой. Они так и сидели у её обшарпанного подъезда в молчании. Она ждала продолжения. Он ждал, пока последняя капля храбрости переполнит чашу терпения и наконец выдал:

– Вообще-то я никогда так не поступаю. Но... Ира, скоро Новый год. Говорят, как встретишь Новый год – так его и проведёшь. Я хочу встретить его счастливым. И сам не знаю почему, от одного взгляда на тебя я становлюсь счастливым, как дурак. Может...

Ира повернулась к ухажёру лицом, по которому текли кристально чистые слёзы счастья и благодарности за такие красивые слова, за цветы, за неожиданный предрассветный сюрприз. Женщина нежно взяла своими красивыми белыми руками с неопрятным маникюром большое, словно блин, лицо Андрея, у которого глаза разъехались в разные стороны, и поцеловала его в губы. Андрей на миг потерял сознание.

В пустой голове зазвенели колокола церквушки, где жила Богородица, подарившая вчера вечером одинокому биз-

несмену-строителю благодать.

– Переезжай ко мне, – сказал после поцелуя Андрей. – Сегодня.

– Не могу, у меня семья и работа.

– Переезжай с семьёй, – готовый на всё, продолжал настаивать Андрей, чётко ощущая, что время – это не отрезок, состоящий из секунд, минут с часами и годами, а пространство. Огромное пространство, как его огромный дом, которое надо осваивать: клеить красивые обои, развешивать зеркала и картины, устанавливать кухню, ванную, унитазы, двуспальную кровать, ночные столики...

И пространство, в отличие от времени, не утекало нетронутым – ведь говорят, время не ухватишь. Пространство ждало своего часа, когда его возьмёт в свои руки умелый рачительный хозяин и сделает из него место счастья.

– Не надо больше ждать, – больше себе, чем Ирине, сказал Андрей, набирая номер прораба своей строительной бригады, чтобы попросить сегодня поработать ее членов грузчиками.

Через девять дней, накануне самого счастливого семейного праздника, Андрей Андреевич Брежнев проснулся, держа в охапке тёплую спящую любимую женщину, которая сделала последние прожитые девять дней незабываемыми. Пространство, как и дом, наполнились голосами и жизнью. Бы-

ли установлены унитазаы, раковины, налажена бесперебойная доставка продуктов, изготовление домашней кухни, бережная стирка грязного белья. Ремонт был почти закончен, что было чудом.

– Я не могу переехать без детей. Свекры и отец., без них тоже не могу. Они для меня – всё, – говорила Ира, смущённо показывая на толпу родственников, без которых никакая жизнь не считалась жизнью.

Андрей хотел спросить хотя бы насчёт деда в инвалидной коляске, который являлся дедом сбежавшего мужа-вора. Но оказалось, без него прожить тоже было невозможно.

Пришлось брать счастье комплектом.

Андрей был готов справить Новый год так, чтоб провести остаток жизни счастливо, пусть и с грифом «рехнулся» от всех друзей и приятелей, наблюдавших переезд незнакомцев, по виду которых плакала статья УК «Грабёж, организованный группой лиц».

Однако мужчина отмахивался от беспокоившихся о его благополучии завистников. Отказывался от традиционных утех, банных купаний с группами лиц по другой статье УК. Опустело кресло в караоке. Простаивал стакан для любимого виски. Бармены потеряли приличные чаевые от завсегда-тая бара.

Зато красовалась ёлка в большой зале без штор, которые Ирине ещё предстояло заказать после праздников, когда

страна отойдёт от каникул и ража.

– Голубки, шашлыки замаринованы! – постучали в дверь хозяйской спальни. А стучали теперь по любому поводу и без.

От стука, точнее грохота в дверь, у Андрея резко заболела голова. И тут же в нос ударил ужасный цветочный аромат с привкусом докторской колбасы и чеснока. Мужчина резко проснулся и к страху понял, что так пахнет Ирина, продавщица из ларька которая...

– Будь здоров! – на чих пробудилась Ирина и, повернувшись на другой красивый дебёлый бок, поцеловала любимого в нос, а потом в оба косых глаза.

Андрей не чихал, он вскричал, но сил на крик ужаса не хватило, поэтому получился трусливый чих. Мужчина весь замер, боясь пошевелиться, пытаясь вспомнить и, главное, осознать события последних дней, которые, усевшись на феррари, с ветерком гоняли по его обезумевшему сознанию со скоростью, несовместимой с жизнью.

– Ландыши, – перед лицом Андрея возник образ Ирины, которая с улыбкой несколько дней назад поведала, что ещё с советских времён обожает только старый аромат ландышей. Затем Андрей увидел себя мечущимся по торговому центру в поисках советских артефактов в области парфюмерии. И наконец, весь ужас произошедшего сложился в его голове,

которая трещала по швам, как старые брюки деда Анатолия, которому Андрей прикупил в том же торговом центре на распродаже молодёжные джинсы.

Боясь делать резкие движения, Андрей медленно сполз с кровати, оделся, спустился в холл, ещё недавно такой чистый, блестящий хай-теком, а теперь наполненный чужими вещами и чужими ароматами: чесночно-колбасным оливье, приторно-удушливыми цветами и, самое ужасное, вездесущими незнакомцами, которых Андрей Андреевич пригласил лично неделю назад пожить вместе с ним до конца своих дней. Сейчас показавшихся Брежневу не такими далёкими.

Стараясь не смотреть на постояльцев, уклоняясь от поцелуев Ирины и объятий её детей, Андрей выскочил из дома как ошпаренный, ссылаясь на головную боль и какие-то дела в городе, и на своём авто, белокожие сиденья которого уже были извазюканы разноцветными фломастерами, помчался куда глаза глядят. Раскосые его органы привели ко входу в маленький храм, где ещё недавно на Андрея, как он понял, был наведён морок. Или, по-русски говоря, произошло зомбирование. Он было хотел ворваться и найти одну маленькую криминальную фигурку, скорее всего, вступившую в сговор с людьми, оккупировавшими его люксовый недострой, но побоялся хмурого нарисованного в XVI веке образа в углу, увешанного золотом и серебром других счаст-

ливых зомбированных.

Подговорив юродивого, что сидел и просил милостыню, пойти внутрь и дознаться до одной низенькой дамы, чтобы она вышла на улицу на разговор, Андрей принялся подготавливать речь.

И как только старенькая, а теперь он её разглядел лучше, не такая уж и чудненькая вполне себе персоне с лицом криминального авторитета местного заведения вышла, закричал:

– Я буду жаловаться! Вы не имели права! Вы ничего не получите! Только через мой труп! – и осёкся. 31 декабря как-то нехорошо прозвучали его собственные слова, похожие на словесное надгробье.

– Сбылось что ль? – не поняла женщина и потеплее укуталась в цветной платок. Сзади показался нищий, неся зимнее пальтишко для неё. – Вот вечно ноют, плачут, просят, а потом, когда сбывается, оказываются не рады! – не в бровь, а в глаз заметила женщина.

– Я хотел любить и быть любимым... – мысли Андрея путались, и потому причинно-следственная связь, как церковная служба вступила в сговор с продавщицей ларька, куда он никогда не заглядывал, кроме того самого утра, не складывалась. – Я хотел любить, но... не того, кого вы мне подсунули, а своего, которого хотел я. Которую... – Андрей взялся за голову, которая разламывалась на части, и рванул в неизвестном направлении.

– Матерь блудливому и убогому видать подыскала очаг, а он, дурак, обогреться не знает как, – объясняла бабуся юридическому про возникшую ситуацию. – Тут или чудо, или могла исправить.

Оба тяжело вздохнули, уповая на первое.

Андрей бежал и бежал долго, только потом вспомнив, что машина находится совершенно в другом месте. Дворами и косою дорогой, чтоб не попадаться на глаза мошенникам, он-таки вернулся к авто через два часа поиска и обморожения. Телефон трезвонил, как ненормальный. Звонила Ирина. Посылала волнительные смс, прося ответить.

Андрей решал: выдать правду ей сейчас или дожждаться встречи и уже глаза в глаза попросить убраться из его дома вместе с родственниками и скарбом?

Вспомнив пикантные сцены с обниманием и обцеловыванием её телес, обратных страстных поцелуев с привкусом ландыша и чеснока, её массажей спины, головы и пят, от которых даже сейчас бежали мурашки, стуча холодными пятками, мужчина решил сказать о расставании лично. Но подготовку речи оставил на потом, добравшись сначала до тепла, ближайшего торгового центра, где в свободном кресле, рядом с другими бомжами, кому негде и не с кем было справлять Новый год, он подбирал слова. Наконец моральный дух был поднят тремя рюмками горькой из соседнего бара, и

мужчина повернул домой, где жили чужие.

Яркие огни, свет на всех этажах и запах оливы встречали задолго до вхождения в дом, в котором было трудно узнать элитный недострой, ещё неделю назад пропитанный ароматами цемента и лака.

– Папа! – с криком бросилась на шею девочка, имя которой Андрей вспомнил не сразу. – Папа! Ты настоящий волшебник! – за нею вышла вся семья, включая деда Анатолия на колесах в новых молодёжных джинсах.

– Господи, Андрей! Как ты угадал? Собачка из питомника! Мы ж мечтали о ней всю жизнь! А какие приятные волонтеры! Они привезли её в коробке с подарочным бантом. Настоящий новогодний сюрприз! – Ирина тоже стала обнимать онемевшего Андрея, наблюдавшего как собачка, точнее монстр Баскервилей, с пасти которого падала липкая слюна на испанский паркет из красного дерева с инкрустатом, ходит по дому, обнюхивая новое жильё, где собиралась свить гнездо.

Все дружно пустили слезу, переводя взгляды с отца семейства на псину.

– Дорогие мои, – позвала свекровь Ирины с кухни, – до Нового года два часа, пора провожать Старый год. Все за стол!

Стол был похож на новогоднюю елку: салаты, как яркие новогодние игрушки, переливались на скатерти. Семья Ирины никогда не видела таких яств. Полученные на продукты деньги сначала хотели отложить про запас. Но Ирина настояла на шикарном праздничном столе.

– Мама! – сурово молвила она бывшей свекрови. – Андрей – богатый человек, привыкший к хорошему дорогому питанию. Уж вы в грязь лицом не ударьте. Не опозорьте нас.

– Ирочка, да я в столовой 45 лет отпахала. Умею все: от оливье до яиц Фаберже готовить, если надо. Хочешь, золотом его кормить будем, лишь бы платил, – говаривала свекрушка, держа в руках семь своих столовых зарплат, выданных на один стол для восьми человек и одного пса.

– Он у нас сам золотой, как Фаберже, – с теплотой отвечала Ирина, выпавшаяся, похорошевшая, помолодевшая и возрождённая. Много ли бабе надо – семь дней не работать, и вновь она молодуха на выданье.

Андрей терпел, но чувствовал, что терпению приходит конец.

Его раздражало буквально всё. Как скрывает собака своими когтищами по плитке. Как не его свёкр с не его свекровью чмокают и чавкают. Разговоры Ириного отца-вдовца с дедом бывшего мужа о политике. На детей Андрей старался не смотреть, потому что те сразу же прибежали обниматься и целоваться.

Когда наконец дед Анатолий разбил венецианское стекло, стоявшее в виде вазона в шкафу, который пошатнулся от удара об него инвалидной коляской, Андрей встал, чтоб сказать всё, что думал.

– Правильно! – воскликнула бывшая свекровь Ирины. – Пора обмениваться подарками. Ты нам, Андрей Андреич, как отец родной, подарил самое главное, чего у нас не было. Это дом! Семья была, счастье и взаимопонимание были, а крыши нормальной над головой не было, – она прикусила губу и пустила слезу, вспоминая бедственное положение семьи, когда даже на хлеб и то денег не хватало.

– Хорошо говорит, – добавил со слезой дед Анатолий, со всем соглашаясь. Отец Ирины похлопал старика по плечу, мол, всё плохое позади.

– За добро добром платят, что б люди ни говорили, – продолжала свекровь, – но дарить нам в ответ тебе нечего. Бедны, как крысы, родимый ты наш. Лучшее, что есть – это Иришка наша, красавица и умница, дети-внуки дорогие, умненькие – на них вся надежда. Да и вот икона наша семейная, необыкновенная, в серебряном окладе с золотым напылением, которую из поколения в поколение Дедялковых мы храним и бережём. Ни под каким предлогом не продаём! Ибо благодать она дарит всем и каждому. Надежду вселяет на любовь истинную. С тобой мы её окончательно обрели, Андрей Андреич, с тобой Пресвятая и останется.

И поднявшись на стул, чтоб достать, приложила икону к

челу будущего зятя, пусть и неофициального, дабы узаконить дарование.

В голове у Андрея Андреевича зазвенело знакомым колокольным перезвоном. Он ошалело уставился на хмурую Мадонну в серебряном одеянии, которая вдруг, как ему показалось, улыбнулась и прищурила взгляд, почувствовал влажные поцелуи благодарных за приют мнимых родных и упал в беспамятство.

– Андрей! Андрей! – звал его знакомый любимый голос. – Дорогой мой! Да что ж это такое! – молилась и плакала Ирина, сидя рядом с большим телом любимого, потерявшего сознание.

– Это от счастья. Бывает. Ещё бы! Каков подарок! Такие иконы знаешь, сколько на чёрном рынке стоят? Как три ихних дома! – успокаивали свекры, пытаясь привести в чувство неофициального зятя.

Андрей не хотел открывать глаз. Ему были так приятны эти волнения за его здоровье. Эти поцелуи, прикосновения. Никогда до этого никто так о нём не заботился и не волновался. Бывшая жена лучшее, что могла сделать в качестве подарка на Новый год, так это меньше тратить их общие им заработанные деньги. Из близнецов ни один не удосужился даже открыточку послать отцу, хотя перечисленные деньги на подарки не возвращались. Никто ему не писал и не зво-

нил. А эти милые, симпатичные, добрые чужие люди, полюбили его как родного.

– Это не любовь. Это Божий дар, – вспомнил Брежнев слова покойного отца.

Андрей на радость родне открыл глаза и широко улыбнулся, не веря, как он жил без этого всеобъемлющего, всепронизывающего счастья любить и быть любимым!

– Чудо! – воскликнул он с пола и тут же был облизан тёплым мокрым липким языком возникшей из ниоткуда гигантской псины.

– Чудо! Фу! Фу! Отстань! – вскричала Ира, отгоняя собаку и набрасываясь на ожившего любимого. – Андрей! – только и смогла вымолвить Ирина. – Любимый мой!

– Фу! Фу! Фу! – кричала родня, пытаясь отогнать влюблённое животное, не желающее делить выбранного хозяина с другими членами большой семьи.

– Поставим икону на самое почётное в доме место, – сказала свекровь и понесла реликвию на камин, стоящий в центре большой праздничной залы, откуда Мадонне было видно всех и вся невооружённым взглядом. – Пусть каждый день освещает своим сиянием этот дом!